

Южный парк

Борис МИНАЕВ

Формально запретить «Южный парк», конечно, можно. То есть: запретить его показ на канале «2x2», или запретить сам канал, или запретить показывать его вообще на всех каналах в дневное время, или в ночное, или оштрафовать всех его дистрибьюторов, или объявить анафему во всех церквях, на классных собраниях, направить всем родителям всех школьников письма, в которых гневно предупредить об опасностях, подстерегающих тех, кто его смотрит.

И так далее.

Реально запретить его нельзя. Он есть на пиратских дисках, его можно купить на любой станции метро, его можно скачать в Интернете. Наконец, нельзя запретить людям, которые его уже посмотрели, стереть этот файл из своей памяти. Мир изменился, он стал настолько глобален, что трудности с ипотечным кредитованием на другом краю света могут больно ударить по кошельку какого-нибудь московского или рязанского газосварщика, и хотя понять, охватить эту картину целиком человеческий разум не в состоянии, она именно такова. Несколько спорных сел, из-за которых воюют на Кавказе несколько десятков семей, становятся причиной глобального мирового конфликта. Поделиться «правильно» (то есть, например, поровну) эти несколько сел почему-то невозможно.

Так же как невозможно установить «правильные», «разумные» пропорции всего остального: количества людей, прибывающих в более богатые «северные» страны из стран более бедных «южных» (или из южных районов этих стран в северные), ограничить безумное потребление тех, кто уже давно напотреблялся до такой степени, что из ушей лезет, установить «разумные», «правильные» цены на

нефть, «правильное», «разумное» соотношение высокой культуры и низкой и так далее.

Хаотичное развитие мира уже давно не поддается нашей воле.

Собственно, сам фильм «Южный парк» именно об этом. О тщете разумного, доброго, вечного перед лицом этого общекультурного хаоса. Герои «парка» — дети. Их вырезанные из кусочков цветной бумаги условные фигурки наполнены, тем не менее, какой-то невероятной убеждающей силой. Сила — в сюжетах, диалогах, юморе (очень порой грубом) и в светлой радости, которая наступает каждый раз, когда случайно попадаешь в ночи на этих уродцев с их простыми приключениями. В чем же эта сила?

Дети отторгают от себя, а вернее, проверяют на себе весь этот мир, пытающийся «правильно» и «разумно» существовать в общекультурном, мировом хаосе. Они, вроде бы такие тупые и инфантильные, не похожие на наших нормальных, очеловеченных семей и школой детей, сквозь мощную линзу своего показного дебилизма проверяют на себе все: религию, политкорректность, саму политику, устройство государства, школьные прописи, семью, любовь, дружбу. Вернее, те символы и значки, которые взрослые пытаются им внушить, впихнуть в мозги как эквиваленты этих ценностей, этого мирового устройства.

Дети всего лишь играют в эти вещи, как играют в куклы, паровозики и солдатики. Они всего лишь отображают то, что каждый день видят по телевизору или слышат в школе — на своем детском уровне.

И это кривое зеркало вдруг оказывается непремено для чьего-то сознания. «Южный парк» объявлен верхом цинизма. Исчадием ада. Происками дьявола.

Совершенно неважно, что «Южный парк» родился именно в Америке. Мир, ставший глобальным, будет болезненно реагировать на любые проявления такого инфантильного, детского, правдивого взгляда на себя — как болезненно реагирует он здесь, в России, на картины, иронично трактующие ценности православия, или в Европе — на карикатуры, изображающие мусульманского пророка. Мир требует единой правды, единого закона, который не может быть осмеян или даже показан глазами детишек, персонажей «парка».

Однако ситуация, когда несколько сел на Кавказе не могут быть «правильно» поделены между несколькими десятками семей, довольно четко выявляет одну простую вещь: единого, правильного взгляда нет и не может быть. Нет единого закона для всех и нет единого морального постулата, который объединит весь мир.

Однако мир, стремительно теряющий в глобальном хаосе свою идентичность, снова и снова ворошит старые книги, старые законы и требует признать их правоту.

«Южный парк» и в этом смысле дает нам всем правильное указание. Почему мы любим смотреть эти мультики про отвратительных, пугающих и рыгающих детишек, которые произносят ужасные слова, обсуждают свои физиологические проявления, для которых нет вообще ничего святого? Чем нам дороги эти уродцы? Тем, что они сами — островок стабильности. Маленькая ячейка мира. Несколько человек, объединенных в единую семью, в единый кусочек вселенной. Они не могут жить друг без друга. Каждый по отдельности потеряет всякую ценность. Их дружба — как дружба всех соседских детей, собирающихся во дворе или на школьной перемене, — безусловна, непреложна, она-то и есть взыскуемая нами вечная ценность. И неважно, кто там белый, а кто негр, кто умнее, кто глупее, кто девочка, а кто мальчик (в этом обаяние — это маленькая детская планета, которая не успела

разделиться на касты, сословия, расы), нам важно, что они вместе.

Это и есть ответ. Это и есть та единственная возможная модель мира, которая является реальным спасением в хаосе. Жить вместе и заботиться друг о друге.

Высмеиваемые детьми из «Южного парка» взрослые ценности в этой парадигме тоже оказываются нужны — чтобы было что обсуждать, что пробовать, над чем смеяться, чему, в конце концов, следовать. Это некий хаотичный пока материал взрослой жизни, который дети используют в своей ежедневной речевой и поведенческой практике. В этом и состоит смысл школьных прописей, условностей национального образа жизни, религиозных или культурных догматов. В новых условиях мира это всего лишь материал, всего лишь школьный учебник, по которому дети учатся жить. И все мы — тоже.

Что в этом плохого? Что плохого в сомнениях, в юморе, в веселом цинизме? Ничего. Ничего до той поры, пока не идет война.

Именно война, ситуация, в которой нельзя без флага и без воинского устава, без вождя нации и без золотых скрижалей, где кровью написано: «Мы правы!», отменяет мир «Южного парка», саму возможность его существования.

Пока еще отменяет только формально.

Но формальный запрет или формальный закон рано или поздно становится реальностью, если он востребован миром.

Мир выбирает между двух возможностей. Дети из «Южного парка» пока еще ходят в свою школу, как ходили и раньше (то, что где-то в России их запретят показывать, станет лишь очередным поводом для дежурных шуток). Уродцы пока еще веселятся. Милые уродцы.

И я пока еще спокойно заканчиваю эту статью.